

Татьяна Дмитриевская

Истории, рассказанные тишиной

Татьяна Дмитриевская

Истории, рассказанные тишиной

<https://litres.ru/74054269>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда молчание — это и есть ответ. А несказанные слова сжигают последние мосты. Эти восемь рассказов — о людях, которые никогда не встретятся, но проживают похожие чувства. Герои сборника пытаются не потерять себя в горе, когда мир требует держаться, а сил больше нет. Они разрешают себе уйти, когда становится неважно. И учатся дышать там, где, кажется, кончился воздух.

Эта книга — для тех, кто знает цену молчанию. Откройте её, если готовы услышать чужую тишину.

Содержание

Следы на снегу	4
Торт «Прага»	8
Забытая скамейка	11
Опоздавший поезд	15
Снегопад	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Истории, рассказанные тишиной

Следы на снегу

Каждый год, в день рождения отца — зимой, когда снег укрывает город мягким белым покрывалом, Маргарита специально приезжает к старому дому, где прошло её детство. Если день будний и рабочий приезжает чуть раньше, если выходной — чуть позже, чтобы прогуляться. Это её личный ритуал, дань памяти, тихая печаль о невозвратном.

В дни её детства этот район был новостройкой, и автобу-

сы ходили сюда очень редко. Поэтому отец каждый день водил её в садик пешком. Замотанная Маргоша шла, держась за руку отца. Дорога казалась ей слишком долгой, и от этого она сначала хныкала, а потом пыталась расплакаться. Но увидев, как дочка куксится, папа отвлекал её игрой, которую сам придумал. Он показывал следы на снегу и предлагал угадывать, кому они принадлежат. Примерял свой сапог к чьему-то отпечатку на снегу и спрашивал: «Кто мог пройти до нас? Больше или меньше этого следа мой сапог?». Маргоша хлопала ресницами, пыталась сравнивать следы, поднимала на отца удивлённо-недоумевающий взгляд и говорила: «Волк?» Папа смеялся: «А если не волк, то кому они могут принадлежать?»

Маргоша старалась угадывать, но чаще папа ей подсказывал, и тогда они вместе придумывали, кем могли быть эти люди, что прошли по улице до них и оставили свои следы. Вот девочка Маша идёт по дороге в школу с дворняжкой Эммой, а здесь — слесарь Николай с женой везут на коляске в поликлинику приболевших близнецов. И так каждый день: за разговорами о выдуманных людях они и доходили до садика. И это был уже не просто путь в садик — это был их особый мир, где каждый след на снегу превращался в интересную историю. Сейчас важные дяди и тётки, занимающиеся психологией, сказали бы, что папа так развивал воображение дочери. Но для Маргоши важнее было то, как его голос заглушал зимний ветер, а снег под ногами вдруг переставал

быть холодным

Маргарита идёт по знакомым с детства дворам одна, внимательно рассматривая свежие отпечатки на снегу. И она невольно улыбается, будто папа снова рядом, шепчет ей свои придуманные истории, чтобы скрасить долгий путь. Каждый шаг по этому утоптанному снегу возвращает её в то время, когда дни были удивительно длинными и полными чудес, а мир казался одновременно огромным, чудесным и безопасным.

Этот ритуал стал для взрослой Маргариты не просто воспоминанием — он превратился в необходимость. Один день в году, когда мир становится простым и ясным, как детская картинка. Возможность отложить в сторону все взрослые заботы и сложные решения, и на час снова стать той девочкой, для которой мир полон добрых историй. Это был её способ не дать памяти истлеть в серых взрослых буднях, а сохранить её живой, осязаемой — такой как эти следы на снегу.

И её собственные следы теперь ложатся рядом с призрачными следами отца. Два ряда: большой и поменьше. Как в детстве. И иногда, найдя особенно глубокий след, так похожий на отцовский, Маргарита на мгновение закрывает глаза. Она снова чувствует тепло своей ладони в варежке внутри его большой руки, слышит низкий, спокойный голос, и дорога перестаёт быть долгой. И жизнь перестаёт быть сложной.

Потому что любовь отца — это единственный след, который не стирается временем. Он не на снегу и не на земле. Это

невидимый отпечаток в самой душе. Это путь, проложенный для тебя в этом мире. И сколько бы лет ни прошло, ты всегда можешь вернуться к нему, чтобы не заблудиться. Чтобы снова и снова ощущать ту самую, данную однажды и навсегда, радость жизни, умение увидеть что-то необыкновенное в обычных следах на снегу.

Торт «Прага»

Симоне сегодня тридцать семь. И она снова покупает торт «Прага» — шоколадный бисквит, шоколадный заварной крем. Тот самый торт, который мама пекла все её двадцать девять дней рождений. Это был лучший, самый вкусный торт в мире. Так она говорила маме — каждый год, все свои двадцать девять лет.

Ведь мама желала ей только лучшего. Она растила её одна, оберегала от ошибок. «Смотри на однокурсниц, — говорила она. — Все уже разведены. А ты — чистая, умная».

И Симона соглашалась. Мама знала, как лучше. И в шко-

ле, и в институте, и потом, на работе — она всегда была примерной девочкой, такой как её воспитала мама. Она дружила только с девочками из хороших семей, а от мальчиков держалась на расстоянии. Прилежно училась и в школе, и в институте. «Им всем только одно нужно, — цедила мама, зло прищуривая глаза, когда Симона рассказывала ей про одногруппников».

Пока не появился Костя. Намного старше, да ещё и с бывшей семьёй за плечами. Случайно столкнулись возле её института. «Ужасно, — шипела мама. — Ты заслуживаешь лучшего». Симона молчала. Мама ведь желала только добра. И Костя остался просто другом — тем, с кем можно переписываться, но не встречаться.

А потом мама умерла. Неожиданно. От сердечной недостаточности.

Мир разбился вдребезги: Симона не знала как жить одной. И был только Костя, который взял всё на себя: похороны, документы, звонки. И её — убитую, расплюснутую горем.

Через полгода он повёл её в загс. Говорил, что так будет лучше, что ей нужна новая жизнь. Она шла, как во сне, цепляясь за его руку, ни о чём не думая.

И он оказался прав.

Теперь у неё муж, дочка. Жизнь.

А на столе — мамин торт «Прага». Потому что традиция. Она отламывает кусочек. Муж с аппетитом берёт тре-

тий, дочка измазана кремом.

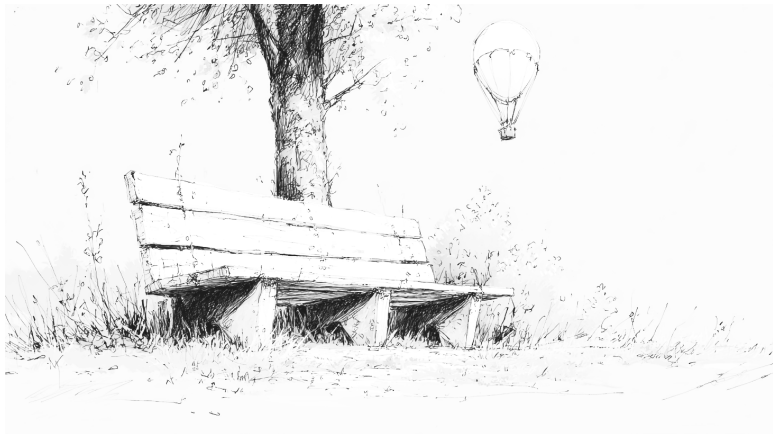
А у Симоны во рту горчит. Этот торт никогда не будет таким, как раньше. И она так и не научилась его печь — мама обещала передать рецепт на свадьбу. Но на свадьбе мамы не было. Поэтому у Симоны не осталось рецепта. Поэтому она покупает торт «Прага». Не печёт сама.

Но он горчит. Всегда горчит.

И каждый год она пробует этот торт, купленный в разных кондитерских, надеясь, что, наконец, почувствует тот самый вкус — вкус детства, вкус одобрения.

Но вместо этого она снова глотает горький комок вины — вечный спутник её взрослой жизни.

Забытая скамейка

Ольга Витальевна Шпалина, директор районной библиотеки, шла с работы через парк и привычно планировала вечер. Она планировала всё. Давно. И это была уже не просто профессиональная привычка, а вторая натура, въевшаяся в неё с тех пор, как умер муж. Нужно было везде успевать одной — и это у неё получалось. Дочь вырастила, выучила, сделала неплохую для их небольшого городка карьеру. Теперь вот помогала с внуком.

За ним, Тимошкой, она сейчас и торопилась, идя с работы в детский сад. Её летящая, быстрая походка, элегантно-стро-

гий вид говорили об энергии и деловитости, но мысли витали совсем не в деловых сферах: «Приготовить ужин. Посмотреть, есть ли все вещи у Тимки на завтра, или надо заехать в квартиру дочери, взять ещё одежды на неделю. Заодно глянуть, как там в квартире, было ей как-то боязно, оттого что она пустая стоит, пока дочь с мужем в санатории. Может, надо было там и пожить, но от них далеко от работы».

Задумавшись, Ольга неловко наступила на ветку, неожиданно оказавшуюся на пути. Она внимательно посмотрела под ноги — похоже, здесь днём проводили парковые работы, и кто-то из нерадивых сотрудников не до конца убрал прошлогодний мусор, преградивший сейчас ей дорогу. В это время, ранней весной, всегда начиналась уборка. Вот и у них на работе был запланирован субботник.

Ольге Витальевне показалось, что она поцарапала ботинком и какая-то щепка залетела внутрь. Она начала искать глазами скамейку, чтобы присесть и навести порядок в обуви. Взгляд упал на небольшой поворот в глубину парка — на маленькую, словно специально спрятавшуюся за кустами, аллею. По своему обычному маршруту, сокращая путь через парк к садику, Ольга ходила уже давно и особо не присматривалась к дороге, всегда торопилась и по сторонам не оглядывалась.

А сейчас увидев это закоулок, она вдруг вспомнила далёкое прошлое, время своей юности. Тогда рядом был муж. И была любовь. Кажется, именно здесь, подальше от людей,

стояла скамейка, которую они считали своей, куда они убежали, чтобы нацеловаться вдоволь.

Таинственная аллея, заканчивающаяся тихим тупиком.

Женщина, чуть поколебавшись, свернула в сторону от своего привычного маршрута. Скамейка действительно стояла. Старая, покосившаяся. Словно о ней все забыли, как и она сама забыла о своей молодости. Ольга Витальевна с какой-то неожиданной тяжестью опустилась на неё, облокотилась на спинку и прикрыла глаза. Тёплый ветер ранней весны тронул выкрашенные в русый цвет волосы, чуть выбив локон из строгой причёски. Солнце, уже клонившееся к закату, бросило в лицо пригоршню тёплых лучей. Женщина зажмурилась, а открыв глаза, посмотрела вверх.

— Ах! — полувздых-полувозглас сам сорвался с губ. Над ней, в чистом вечернем небе, плыл большой воздушный шар. И сверху, словно невесомые бабочки, разлетелся тихий девичий смех.

Счастье — вот оно. Весна. Юность. Любовь. Сердце на миг сжалось от щемящей боли, от ощущения быстротечности времени, от воспоминаний о своей любви и молодости, которые промелькнули так быстро.

Она припомнила: дочь недавно говорила, что появился такой клуб рядом с их городом, где можно заказать полёт на воздушном шаре. Ольга тогда нахмурилась, услышав цену, и категорично высказалась, что лучше отложить эти деньги на летний отпуск на море. А сейчас, глядя вверх, подумала: а

ведь она никогда не летала на воздушном шаре. И муж, тот молодой, наверняка бы уговорил её полететь

Где-то вдалеке, на центральных аллеях, откуда она только что свернула, требовательно зазвенел чей-то телефон. Этот чужой звонок словно решил ей напомнить, что время, отпущенное на воспоминания, истекло. Ольга Витальевна тряхнула головой, прогоняя наваждение, поправила непослушную прядь и, достав зеркальце, строго посмотрела на своё отражение.

Поднявшись со скрипучей скамейки, она деловито отряхнула плащ и быстрым, уверенным шагом направилась к выходу из парка — в сторону детского сада, где ждал Тимошка, и дальше, в бесконечную череду планов и забот, которые были её сегодняшней, реальной жизнью.

Только морщинка неудовольствия, почти незаметная, как та щепочка в её ботильоне, которую она в спешке так и не вытащила, сидя на скамейке своей молодости, появилась на лице. И она уверяла себя, что эта странная досада, которую она уносила из этого закоулка парка всего лишь оттого, что она так и не вытряхнула обувь.

Впрочем, как только Тимошка, смешным колобочком, радостно смеясь, выбежал ей навстречу, Ольга забыла обо всём. Вот она — её настоящая сегодняшняя жизнь — радостный внук, целующий её в щёки и бормочущий: «Баба, я тебя так люблю — сильно-сильно!»

Опоздавший поезд

Перрон был пустынен и пронизывающе холоден. Она стояла неподвижно, вжав подбородок в воротник пальто, и смотрела в темноту, откуда должен был появиться свет прожектора прибывающего поезда.

Встречающих было мало. Пара подростков у входа на вокзал, они явно просто тусовались. И девушка с коляской, в весёлом розовом пуховике. Подростки громко засмеялись чьей-то шутке. У девушки с коляской зазвонил телефон.

— Я совсем не замёрзла! — звонко и счастливо защекотала она. — Мы ждём, мы скучали! Ничего, что поезд опаз-

дывает, мы всё равно тебя дождёмся! Сыну тепло, спит Скоро увидимся!

Её голос, полный нетерпения и любви, прорезал морозный воздух, звенел, как пенье птички. Женщина смотрела на эту неприкрытую радость, и в груди кольнула знакомая, приглушенная временем боль. Она загнала эту шевельнувшуюся в душе слабость в дальний угол и оценивающе посмотрела на девушку. «Похоже, тоже встречает мужа, — подумала она. — Не может без него и дня. Такое бывает только в молодости. Даже материнские заботы не убили этот пыл».

В отличие от девушки на перроне, она уже долго была замужем. Сейчас ждала мужа, возвращавшегося из командировки. Три недели его не было. Впервые за время замужества, на такое долгое время, она осталась одна. В эти дни она не включала телевизор, не слышала завываний саундтреков к его любимым детективным сериалам, и не была в курсе новостей. Читала. Готовила простую еду, только для себя. Одной ей нужно было так мало. Она заметила это с удивлением.

В её возрасте, когда карьера перестала быть навязчивой целью, а мечта о детях рассыпалась в прах после последней, провальной попытки ЭКО, они с мужем стали двумя половинками одного целого. Уютного, предсказуемого целого. Ему всё нравилось. Спокойная жизнь, тихие вечера, никаких сюрпризов. Он и детей никогда не хотел. Она одна носила в себе этот груз — попыток, надежд, гормональных бурь и пустых разговоров с гинекологами. Он не мешал ей, но и

не помогал, если не просила. А потом, после той, последней попытки она устала окончательно. Смирилась. Или сделала вид, что смирилась, чтобы, наконец, обрести покой.

Эти неожиданные недели одиночества, пока мужа не было дома, стали для неё странным подарком. У неё появилось время думать. Раньше его не было — то работа, то лечение, то заботы о муже и доме. Хотелось всего: и карьеру, и домашний уют. И ребёнка. С карьерой пришлось распрощаться — слишком много больничных — повышение досталось другому. Потом ушла надежда на ребёнка. И вот когда она поняла, что больше ничего не хочет, начала жить так, как хотел он. Больше была дома, больше готовила, больше смотрела с ним его любимые детективные сериалы.

Поезд опаздывал.

Она приехала рано, перепроверив всё дважды. Дома ждал праздничный ужин, бутылка его любимого коньяка, новый сериал. Вот он приедет, обнимет её, поцелует в щеку. Они поедут домой. Выпьют. Он будет смотреть первую серию, а во время рекламы расскажет о командировке то, что не успел в их ежедневных телефонных созвонах. Всё будет как всегда.

А поезд опаздывал.

Вчера в это время она читала книгу, завернувшись в плед, и пила какао. И ей было тепло и спокойно. По-настоящему. А теперь ждёт поезд на холодном перроне. Поезд, который опаздывает.

Ей стало зябко. Она тихонько попрыгала на месте, огля-

дываясь, — не видит ли кто. «Неприлично», — сказал бы он. Он всегда хорошо знал, что правильно, а что неправильно. И всегда мог это разъяснить ей. Без крика аргументировано, железобетонно.

А поезд всё опаздывал.

Женщина смотрела на девушку, на её сияющее в свете фонаря лицо, на голубое одеяльце, высовывающееся из коляски. Смотрела пристально. Стараясь не прислушиваться к нежному щебетанию мамочки с её малышом. Но всё равно слышала.

А потом развернулась, чётко, почти по-военному, и не оглядываясь на тёмную пустоту путей, пошла прочь от перрона, к выходу в город. Каблуки отстукивали по бетону резкие звуки.

Через десять минут на перрон, оглушительно шипя тормозами, вкатился поезд.

Опоздавший поезд.

Снегопад

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.